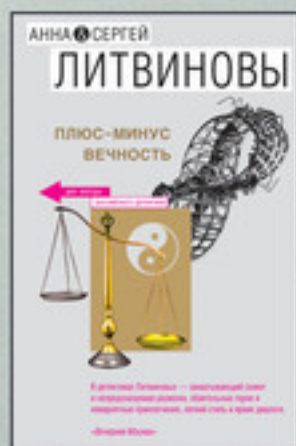

Анна и Сергей Литвиновы

«Гран-при»

Часть сборника
Плюс-минус вечность (сборник)

Анна и Сергей Литвиновы
«Гран-при»

«ЭКСМО»

2007

Литвиновы А.

«Гран-при» / А. Литвиновы — «Эксмо», 2007

«Пролезай концертный рояль «Веcker» в окно – давно бы оказался внизу, на асфальте. Сладостная картинка: как разлетаются по консерваторскому двору белые зубы клавиш и золотые волосы струн. А поверх рояльных обломков – уж кровожадничать так кровожадничать! – можно представить бездыханное тело очередного ученичка, ох, как же, тупоголовые, надоели!..»

© Литвиновы А., 2007

© Эксмо, 2007

Анна и Сергей Литвиновы «Гран-при»

Пролетай концертный рояль «Bekker» в окно – давно бы оказался внизу, на асфальте. Сладостная картинка: как разлетаются по консерваторскому двору белые зубы клавиш и золотые волосы струн. А поверх рояльных обломков – уж кровожадничать так кровожадничать! – можно представить бездыханное тело очередного ученичка, ох, как же, тупоголовые, надоели!

Лена Сальникова жила об руку с музыкой не первый десяток лет – и давно была сыта ею по горло. А тот день, когда папа впервые привел ее в музыкалку, и вовсе вспоминался, как первый в жизни фильм ужасов: страшные черные рояли, а подле них – строгие училки, все, как одна, с пучками... Будь ее воля – сбежала бы мигом, да отец удержал. Схватил за руку. И сказал: «Глупышка, доченька, чего ты боишься?! Наоборот – цени! Вот пройдет пятнадцать лет, ты окончишь музыкальную школу, потом училище, консерваторию – и какая замечательная у тебя пойдет жизнь! Только представь: все кругом работают, а ты – *играешь!*»

И семилетней Леночке эта папина мысль очень понравилась – ведь тогда, пятнадцать лет назад, в самом начале девяностых, *игры* в их жизни было до обидного мало. В детали, по дремучему малолетству, девочка не вдавалась, но видела: живут они плохо. У мамы вечно хмурое лицо, особенно когда она вечерами из пустых магазинов возвращается. И папа тоже печальный, а ведь совсем недавно (Леночка тогда ходила в детский садик, а в стране торжествовала сказка по имени социализм) у него все было так замечательно! Отец, как все говорили, находился на своем месте – работал в кукольном театре, умел говорить за Петрушку, Кота Котофеича и даже за Мальвину, а крошечная Леночка страшно гордилась, что ей поручают важнейшее дело: стирать в маленьком тазике кукольные костюмы... Но теперь в здании, где раньше располагался театр, открыли мебельный салон, папу уволили, Петрушку с друзьями отправили пылиться на антресоли, ну а Лену заставляли играть не с куклами, а на «инструменте» (так в их музыкалке полагалось именовать пианино).

Заниматься музыкой, в принципе, было прикольно – Леночке особенно нравился момент, когдаходишь к молчаливому, мертвому пианино, касаешься клавиш... а дальше творишь что хочешь. И под твоими руками оно и плачет, и веселится, и впадает в гнев... Хотя можно и просто, к ужасу папы и педагогов по специальности, «Собачий вальс» сбацать.

Одна беда – окружение в ее музыкалке, «для особо одаренных», оказалось слишком уж элитным: сплошь детишки из «хороших семей». И если наивный Леночкин папа под «хорошей семьей» понимал огромную библиотеку да литературные чтения под зеленой лампой на прохладной дачной террасе, то сама Леночка очень быстро поняла: у кого из одноклассников денег и блага больше, тот и фаворит. Ну, а ее и еще нескольких скромников в классе презрительно именуют «интеллигенцией». И постоянно насмеваются. Из-за того, что джинсы «неописуемые» (куплены в «Детском мире», а лейбл «Райфл» со старых папиных перешили). И на занятия она ездит, как последняя лохушка, на метро, в то время как одноклассники сначала на черных «волгах» рассекали, а со временем, как капитализм окончательно восторжествовал, – и вовсе на «мерседесах»...

В принципе, от насмешек можно было бы и отбиться, будь у нее к музыке явный, вызывающий талант, как, скажем, у одноклассника Женьки Котикова. Вон, тот вообще из Саратова и одевается в мешковину, а живет и вовсе в интернате – но как с ним все носятся! Потому что – божий дар, перспективы, под его пальцами даже этюды Черни слаще «Волшебной флейты» звучат. А у нее, Лены, не талант, а *потенциал*. И то «до конца еще не раскрыт», как говорят педагоги. Нужно трудиться – и ждать.

Вот Лена и трудится – долбит гаммы с таким фанатизмом, что соседи уже три раза жалобы в ЖЭК писали. Только толку пока не больше, чем от папиных попыток на денежную

работу устроиться. Сколько раз уже было – отец заявляет: «К однокласснику, Толяну, коммерческим директором иду. Полномочия – широчайшие, зарплата – запредельная!»

Только начнешь мечтать о финском пуховичке или заграничной поездке, хотя бы в Болгарию, как вдруг оказывается: одноклассник, поманивший папу блестящими перспективами, исчез без следа. И хорошо еще, если не вытянул, как уже бывало, все скромные семейные сбережения – «под грядущее развитие бизнеса...»

Так и у Лены во всех ее музыкальных делах – начинается вроде неплохо, а концовка выходит ерундовой, фамильная черта у них с папой, что ли, такая?

Скажем, отбирают ее на конкурс в основной состав исполнителей, и программу они с преподавательницей готовят классную, и явные фавориты, тот же Женька Котиков, в соревновании не участвуют... Только и остается – поехать и возвратиться с «Гран-при» и восторженными рецензиями в околomuзыкальных газетах, а то и в самой «Вечерке». Но как ни старается Леночка, как ни молится всем Музам, Лирам и прочим музыкальным богам, а ни одного главного приза еще ни разу не выиграла. В копилке – сплошные вторые, третьи, а то и вовсе обидные поощрительные... Невезуха. То, будто черт под руку говорит, она вдруг в самом кульминационном месте сбивается, а в жюри, как назло, сплошь поборники «строгой техники и безупречной формы» сидят. То, еще хуже, накануне финала ее грипп подкашивает, а играть, если ты при смерти, только гении типа Моцарта с Бетховеном умеют. Или и вовсе без объяснений – вроде числилась в фаворитках, выступила классно, с огоньком, а «Гран-при» все равно другому дают. «Кто еще талантливее», – провозглашает жюри. «Кто куда блажнее», – просвещают Лену мудрые одноклассники. Вроде бы, говорят циничные школьные друзья, в музыкальных конкурсах отнюдь не юные гении побеждают. А те, чьи родители жюри подмажут. И специальная такса даже есть – за «Гран-при» нужно председателю комиссии ключи от машины вручить. Или, если конкурс попроще, не международный, а всесоюзный, – то путевку на два лица, в любую страну, кроме непрестижной Албании.

Папа, правда, убеждает, что подобные разговоры – полная чушь. И в пример Женьку Котикова приводит, который, несмотря на ветхие штаны, этих «Гран-при» уже целую коллекцию собрал. Но ведь Жеке, когда он играет, – будто бог в уши поет. Он и сам признается: «Словно кто-то другой моими руками водит, независимо от меня...» Эх, ей бы, Лене, такого «водительщика»! Так нет же, не повезло. Не снизошла божественная благодать. Ни талантом ее высшие силы не наградили, ни полезными в жизни родителями – папа-то только и умеет повторять: «Ты, Леночка, благодаря музыкальной школе на две головы выше других детей». Нет бы, чем зря болтать, фирменными джинсами помочь. Или хотя бы в Большой театр дочку сводить – не на голимого «Моцарта и Сальери» в последний ряд четвертого яруса, а в партер на «Лебединое озеро» с Плисецкой...

Впрочем, мама все равно полагает, что отец ее, Лену, балует (будто дефицитные «Мишки» на завтрак и йогурты из только что открывшегося дорогущего «Данона» на Тверской такое уж баловство). И мрачно пророчит: «Вот погоди: исполнится ей пятнадцать, переходный возраст начнется – она нам такое устроит!» И тон-то зловещий, и лицо не хуже, чем у Касандры. Так и хочется показать родакам «бэмс» досрочно. По предварительному, так сказать, заказу, не дожидаясь зловещих пятнадцати. Травки, что ли, купить – у них в школе, говорят, старшеклассники продают? Или водки напиться?..

Но только наслаждаться привилегиями переходного возраста – это лишь по зову души интересно. А только для того, чтобы родителям досадить, – как-то вроде и глупо, особенно для девочки, которая «других на две головы выше»... Вот и тянется скучная, предсказуемая тягомотина – специальность с неизбежными гаммами, сольфеджио с надоевшими диктантами, музлитература с бесконечными партиями из опер... Тоска!

А за вечно не мытыми окнами музыкалки – совсем другая, яркая и опасная жизнь. То танки ползут чуть не по соседней улице – это путч 1993 года. То Белый дом обстреливают,

это уже в 1996-м, – и тоже все рядом, в школе оконные стекла дрожат... И одеваться народ стал ярче, и симпатичные кооперативные кафешки одна за одной появляются. Все заманчивее витрины, все более интригующие вывески...

Подле одной такой, свежепоявившейся, «Ресторан семейной кухни «Аист», Леночкина жизнь и изменилась. Всего-то и стоило – в нужный момент притормозить возле таблички с меню.

Ее, по новой моде, выставили прямо на улицу – видно, для того чтобы народ с ходу врубался, что «пицца «Ла Гротта» со свежей рукколой в шапке из пармезана» за целых пятнадцать американских долларов ему не по зубам, и пушистых ковров на входе почему зря не топтал.

«Руккола... Что это, интересно, такое? – гадала голодная Леночка. – Хоть бы одним глазком взглянуть!»

Как не мечтать о диковинной пицце, если сегодняшний обед в столовке оказался особенно тощим, а у нее еще специальность и свидание с Витькой из параллельного класса, а Витька хоть и прикольный, но, как и сама Лена, «из интеллигентной семьи». То есть даже булочками не накормит.

«Вот так и умирают с голоду!» – стоя перед аппетитным меню, страдала Леночка. И вдруг услышала:

– Любишь рукколу?

Голос – мужской, взрослый, бархатный... Лена обернулась – и тут же поняла, что ее жизнь кончена. Бесповоротно и безвозвратно. Потому что никого, даже отдаленно похожего на обратившегося к ней парня, она не встречала еще никогда...

Как так получается? Вроде бы один из миллиардов проживающих на планете существ мужского пола. Кожаная куртка, кроссовки, джинсы, в меру щетинистый, глаза голубые, волосы светлые... Типовой персонаж. Но только вдруг понимаешь: он и есть та самая вторая половинка, которая так долго искала тебя по всей бесконечной планете...

– Я Вадим. – Он протянул ей сильную и прохладную руку.

А Леночка вдруг вспомнила папины наставления: «Доченька, я тебя заклинаю: пожалуйста, никогда не знакомься на улице! Сейчас такое опасное время!»

И аккуратно вложила свою ладошку в руку Вадима:

– Лена.

...А дальше все полетело стремительно и лихо, вполне в духе сумасшедшей, непредсказуемой эпохи. Тем же вечером они с Вадимом впервые поцеловались. Через неделю последовала корзина роз и объяснение в любви. А через месяц покончили и с самым сокровенным, тем, что папа именовал «девичьей честью». Только вот пиццу с рукколой она так и не попробовала...

Родители – мама и папа чуть не впервые в жизни выступали в едином порыве – были от ее любви в шоке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.